

Аркадий Гурович

Калейдоскоп

* * *

Из карцера стесненных мыслей
На простор,
Где глубина и даль,
И снесены границы, –
В них больше не упрется
И не огорчится взор!
Пусть нежность и любовь
На белые страницы
Запишут наш полночный разговор.
Все начисто.
Долой эскизы и наброски!
Заворожи нас, черный дрозд,
И пусть мерцают серебро и кварц,
И стразы от Swarovski,
Хрустальные зеницы звезд.

* * *

Как много лет сияет мне калейдоскоп
То вереницей появлений,
То чередой исчезновений, –
Мельканием разлук и встреч.
Воистину неутомимый гений
Дал мне умение терять или беречь.

Пусть вымышлена книжная княжна,
Свет лепестков, упавших на гранит;
Она по-прежнему со мной нежна
И мой очаг хранит.

А по ночам зачитанною книжкой
Губами влажными ей повторять дано
О сладкой спешке, удивительно вспышкой
Освобождающей горячее зерно.

И в этот краткий миг
Правдив и лжив
Я зол и добр.
И мертв. И жив.

* * *

Я рад, что неизвестно мне, когда
И где придет привал
Моих нехитрых странствий.
Отрезок прожитого времени
Прошьет дыру в пространстве –
Туда закатится моя звезда.

Теперь стыжусь,
Что мною двигал пламень
Пробиться в поэтическую знать.
И хорошо, что молчаливый камень
Один, и будет обо мне все знать.

* * *

Большие города,
И каждый со своим лицом.
Давно переступившие порог

Былых валов и стен,
Служивших оградительным кольцом.
Теперь они растут и вширь, и ввысь,
И все сильнее магнит вождей,
Их свиты, их судей...
Ах, юность, ты была
Любовью шумных городов
С неисчислимостью людей,
Вернись!
Или хотя бы отзовись.

Как раньше нравилось сияние витрин,
Обилие закусовых и баров,
Театров, галерей, базаров
И площадей.
Безостановочный поток машин
Вдоль улиц и бульваров,
Воспетых бардами,
Залитых солнцем
И омытых чередой дождей.

Любовь к разгулу городов,
К концу подходит пир –
В каком-то незнакомом алфавите
Является ко мне
В так быстро изменяющийся мир,
Как Балтасару тех времен,
Предупрежденье на стене
Засильем несмываемых граффити.
А как я в юности здесь жить хотел...
Не знал, что окажусь
Среди татуированных
Мужских и женских тел.

Чтоб быть от Вавилона вдалеке,
Скорей из этого густого, вязущего дегтя
Бежать к закату, что стыдлив и краснощек,

К реке, что серебристым локтем
Игриво липовую рощу тычет в бок;
И сено к вечеру с полей везут возами.
Там чудо с золотистой косой,
С застенчиво прикрытыми глазами,
А предо мной полураскрытый рот.
И долгий поцелуй.
И нетерпение жемчужною росой.
И вожделение распахнутых ворот.

* * *

В последний розыгрыш
Уйдет безгрешность набожных,
И перестанет раздражать
Небрежность набережных,
Покачивающих мачты яхт.
Печаль отчаливать
Под белых чаек взмах
И уходить в просторы океана,
И полоскаться в парусах
Позволить воле капитана.
...Вновь серость вод
Вернется к бирюзе,
И мир, как впрямь, спокойствием объят,
Вздыхнув вослед умчавшейся грозе,
Вдруг радугой обрадует себя.

* * *

С высокой башни вид захватывает дух.
Июльская жара располагает к лени.
Поближе к вечеру с овчарками пастух
Сгоняет стадо с выпаса в селенье.

Копыта взбили розовую пыль.
Закат. Уже расквакались лягушки,

А небо все никак не продырявит шпиль
Любимой всеми старенькой церквушки.

Но что это? Багровой пеленой
Опять взметнулась пыль. Горят амбары,
Сверкают ятаганы. Колокол шальной
Гудит тревогу. К замку скачут янычары.
От топота дрожит земная твердь,
Под пенье стрел в глаза заглядывает смерть.

А к ночи снова тишина. Огонь потух.
И воют обездоленно собаки,
Собравшиеся в буераке,
Где с вечера лежит зарубленный пастух.

* * *

Это было прошлым летом.
Ты блокнот мне подарила
В мягкой бархатной обложке.
С той поры я стал поэтом,
В нем пишу про то да се, –
Повстречал Самсон Далилу,
Шаркнул ножкой по-французски:
«Что за прелесть ваши ножки,
А глубокий вырез блузки
Говорит об очень многом,
Не показывая все».

Так что, девочки-подружки,
В магазинах канцелярских
Покупайте мне блокноты,
Убедительно прошу.
Я волшебником из сказки
Вам бальзам пролью на ушки
И о принцах белоконных
Непрерменно напишу.

* * *

Ночное небо – классная доска.
По звездной тьме пишу сияньем белым –
Взволнованным, дрожащим лунным мелом,
Что я люблю, что без тебя тоска.

И чувств поющих праздничный салют
Открыт для мира. Не храню секретов.
Ночное небо отдал Бог поэтам,
Вот и пишу, что я тебя люблю.

* * *

Рассвет пришел очередной.
Опять упреком предо мной
Белеет чистая страница:
А я еще от сна хмельной –
В нем снилось мне, как белизной
Сияла сказочная птица.

И целый день, как во хмелю,
Ничем не занят, словно сплю,
Чтобы еще раз насладиться.
Какие крылья, грудь и клюв,
И я во сне ее молю:
«Побудь еще со мною, птица!»

Приходит долгожданный срок,
Когда холодный Козерог
Тьму зимней ночи озаряет.
Снег за окном, как серебро,
И снова на моем бюро
Пришелица иного края.

Как будто легкий ветерок
Приносит в дом через порог
Сноп удивительного света,

И птица от своих щедрот,
Исчезнув, дарит мне перо.
А больше нужно ли поэту?

* * *

Воображение,
Не омрачи чела.
Пусть снова зажурчит
Ручей фантазий
О взбитых сливках с сахаром
Поверх малины в плоской вазе,
Чудесном украшении стола.
Начало лета. Сад.
А вот и золотистая пчела!

Лучи, я с вами падаю наискосок
Через листву,
Где нежится малина,
И он во мне, восторг пчелиный,
Когда уже на дно стекает сок.

Но более всего Lancôme Climat,
Незабываемый, как ягода,
Как сад.
Что более свело меня с ума:
Вид локона игривой завитушки,
Прикрывшей щеку и висок;
В ушах гудящие колокола;
И россыпь звездная, веснушки;
Иль ягоды нектар,
Иль твой небесный сок;
Иль собирательница липкого блаженства,
Пчела?

